18+

ЕВГЕНИЙ ЧЕРТОВСКИХ

Калейдоскоп жизни

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Евгений Чертовских

Калейдоскоп жизни. Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70898026
ISBN 9785006424364

Аннотация

Рассказы, включённые в сборник, в смысловом плане не связаны между собой. Они были написаны в разное время, в разной обстановке. Поводом к их написанию послужили жизненные ситуации, с которыми столкнулся автор.

Содержание

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ 5
Долгая дорога на войну 5
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Калейдоскоп жизни
Сборник рассказов
Евгений Чертовских

Марина Леонидовна Чертовских *Редактор*
© Евгений Чертовских, 2024
ISBN 978-5-0064-2436-4
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ

Долгая дорога на войну

(по воспоминаниям моего отца,
Чертовских Виктора Дмитриевича)

– Витя! – громко позвал Степан, заходя в избу двоюродного брата.

– Чего шумишь?

– Так, повестка мне, на войну иду.

Виктор посмотрел на мать, у которой глаза были мокрыми от слёз, и как-то без эмоций пожал плечами.

– Видишь, я тоже собираюсь.

– Значит, вместе? – уже серьёзно спросил Степан.

– Да, – Виктор вздохнул, окинул взглядом семью, – вместе.

* * *

Виктор, после ухода отца на фронт в июле 1941 года, остался в доме старшим, хотя шёл ему тогда шестнадцатый год. В августе 1942 года село проводило последнюю группу ребят двадцать четвёртого года рождения. В октябре Виктору исполнилось семнадцать лет, а обстановка на фронтах Великой Отечественной войны говорила о том, что скоро война не закончится. И он осознавал, что после его ухода в ар-

мию, а призвать могли в любое время, в доме останется мать, брат Саша тринадцати лет и одиннадцатилетняя сестрёнка Роза. Поэтому, Виктор срочно занялся ремонтом крыши дома, заготовкой топлива на зиму и другими срочными делами по хозяйству.

В ноябре 1942 года на фронт ушла первая партия ребят двадцать пятого года рождения. А в январе 1943 года повестка пришла и Виктору.

* * *

Мать медленно размеренными движениями складывала на кровать вещи для сына.

– Так, носки шерстяные, чтобы ноги не замёрзли, чай зима на дворе, – тихо проговаривала она, – перчатки…

– Мама, – возмутился Виктор, – зачем носки, портянки дадут.

– Ничего, хуже не будет. Вот полотенце, мыло, тетрадь и конверты, это для писем, карандаши…, – с последними словами у неё задрожали руки и она заплакала.

Виктор обнял мать. Подошла маленькая Роза, взялась за материнский подол и тоже заплакала.

– Ой, чуть не забыла, – мать перестала плакать, вытерла глаза уголком платка. – Вот коржики в дорогу. Кто знает сколько ехать.

Виктор, молча, смотрел на сборы, внутри всё дрожало. Он готов был расплакаться, но мужское нутро ему это делать не позволяло.

Утром пришли попрощаться соседи.

– Ну, вы там давайте! – дед Василий потряс сжатым кулаком. – Наддайте им, и домой… – что-то ещё хотел сказать, но слёзы не дали договорить.

Виктор посмотрел на родных и знакомых так, как будто не они его, а он их провожал, в груди стучало и явно не хватало воздуха.

– Ну ладно, пошли на улицу, – сказал он, чтобы не допустить общего плача. – Пора уже.

На улице второй день бушевала непогода. Мороз небольшой, но снега намело большие сугробы. В воздухе ветер продолжал крутить крупные снежинки так, что в десяти метрах ничего не было видно. Лошади с трудом пробивали дорогу в глубоком снегу и тащили сани, в которых лежали только котомки, а за ними не торопясь шли призывники, их родные и друзья. С разных сторон села к сельскому совету стекались подобные повозки.

На площади уже стояли сани-розвальни с запряжёнными в них лошадьми. На санях в полметра толщиной лежало пахучее сено – подстилка для призывников и корм лошадям на обратную дорогу. А дорога до пункта сбора предстояла длиной в сотню километров.

На каждые сани распределили по два-три человека. Вокруг толпились дети, родные, друзья. Матери и девушки плакали. Старики переговаривались между собой и как-то странно смотрели на убывающих семнадцатилетних парней,

то ли с жалостью, то ли с укором, мол, куда такие «зелёные» воевать едут.

С небольшого деревянного крыльца здания сельского совета выступил председатель с напутственной речью. В заключении сказал: «Возвращайтесь живыми! Ждём вас с победой!».

Прозвучала команда: «По местам!». Усилился плачь и все начали прощаться. Чтобы не затягивать печальный момент, караван саней медленно начал движение. Парни быстро запрыгивали в свои сани, махали руками, что-то кричали своим родным, но снежная вьюга быстро прервала прощание.

Лошади не бежали, а шли шагом, да и извозчики не подгоняли их, понимая, что в таких погодных условиях дорога будет нелёгкая.

Потихоньку все успокоились. Ехали молча, одни дремали уткнувшись в воротники своих полушубков, другие не могли уснуть, думая о том, что ждет их впереди.

Вскоре стемнело, а проехали всего двадцать километров. Заночевать остановились в Кирсаново. В избу, куда определили Виктора и Степана, набилось восемь человек.

– Ну, не продохнуть, честное слово – проговорил Степан, оглядывая помещение. – Мужики! Давай курить на улице! Издохнем к утру!

– А никто и не курит, – из темноты раздался голос и все дружно засмеялись.

– О, разгоготались черти! – Степан повернулся к Викто-

ру. – Вить, пойдём на местную вечеринку. Там тоже ребят провожают, завтра они с нами поедут.

– Пошли, а то с этими чертяками тут прокоптишься, – застёгивая полушубок, Виктор направился к выходу.

Подходя к клубу, братья услышали весёлый звук гармошки и девичьи голоса.

– О, уже танцы, – воодушевился Степан. – Мы вовремя.

Войдя в помещение, парни увидели, как три девушки отплясывали, быстро и чётко отстукивая каблуками задорный ритм. Ребята, глядя на танец подруг, присвистывая, дружно хлопали в ладоши.

– Витя! – раздался сзади низкий голос.

Виктор обернулся на зов. Перед ним стоял невысокого роста черноволосый парень с удивительно широкой грудью.

– Жора! А ты, каким образом тут?

– Так вот, утром убываю в армию.

Они крепко пожали руки и обнялись.

– Это брат мой, Степан.

Затем, обратившись к Степану, Виктор показывая на подошедшего широкоплечего парня, сказал:

– А это Жора Тресков, мы с ним в одной тракторной бригаде работали.

Жора посмотрев на Степана, взглядом смерил его рост, присвистнул.

– Ну, Стёпа ты и вымахал, – потом засмеялся и пожал поданную руку.

– Весело у вас тут, – как-то грустно произнёс Степан.

– Так, уходим завтра, – вздохнул Жора и добавил, – вот и весело.

Рано утром увеличившаяся вереница саней тронулась в путь. Дорогу до сборного пункта в городе Абдулино осилили за трое суток. Народу съехалось много из разных мест. Были местные городские, из районных центров много ребят прибыло, но больше всего было деревенских. В первое время между городскими и сельскими парнями происходили конфликты, но как только завершилась погрузка в эшелон, все успокоились.

Расположившись на нарах, все стали знакомиться между собой.

– Андрей, – представился сосед Степана. – Андрей Скибин, из Абдулино.

Светло-русый парень с узким лицом и весёлыми глазами протянул руку.

– Степан.

– Виктор. Мы из Романовки. Братья.

– Ох, что-то вы не очень-то на братьев похожи.

– Так, двоюродные, – засмеялся Степан

Оживление продлилось недолго, вскоре разговоры в вагоне затихли. Виктор со Степаном лёжа рассуждали о том, куда их везут.

– Похоже, – Виктор поднял глаза к потолку и задумался, – в сторону Челябинска едем.

– На Дальний Восток едем, – раздался из темноты чей-то голос.

– Жора, ты что ли?

– Я.

– А почему думаешь туда?

– Так иначе бы в другую сторону повезли, если бы на фронт.

На небольшой остановке, Андрей выскочил из вагона.

– Андрей! – взволнованно крикнул Виктор.

– Я быстро, только разведаю как и что!

Действительно, Андрей быстро вернулся из разведки.

– На Урал везут. В какие-то лагеря на учёбу, – почему-то шёпотом сказал он.

После этого известия опять наступила тишина. Снаружи завывал ветер, снег пробивался через узкие щели окон, колёса вагона нудно пищали на рельсах, давя на нервы.

Эшелон, если можно сказать, не ехал, а тащился. Было много остановок, больше стояли, нежели ехали. Когда эшелон трогался, то движение начиналось с резкого рывка.

– Кто же это там паровозом управляет! – возмущался Степан. – Он что, тоже учится?

– Из-под меня аж нары вылетают, – добавил кто-то, и на его слова в вагоне раздался дружный смех.

Так и ехали, то молчали, каждый думал о своём, то дружно смеялись до слёз, пытаясь за смехом спрятать свои печальные думы.

На одной из остановок прозвучала команда: «Выходи!». Забрав свои котомки, все вышли на небольшую платформу. Построились. Стали вызывать по фамилиям и выстраивать колонну.

– Чертовских! – прозвучала фамилия Виктора.

– Витя! – Степан ещё что-то хотел сказать, но не успел продолжить, брат, оглянувшись, вышел из строя и перешёл в колонну.

Виктор ждал, когда вызовут Степа, но вскоре зачитывать список закончили, и прозвучала команда: «Шагом, марш!».

Шли часа два. Зайдя в лес, новобранцы увидели врытые в землю строения, которые странным образом располагались между деревьями по прямой линии.

– Землянки какие-то, – раздалось в строю.

– Много их, видимо казармы.

– Может это не для нас?

– Ой, братцы, чует моё сердце это для нас.

– А что твоё сердце ещё чует?

В строю засмеялись, и этот смех стал разрастаться, отдаваясь эхом в лесу.

Колонна подошла к строению с пробивающимся наружу паром.

– Баня что ли?

– Стой! – раздалась команда. – Нале-во!

– Всё правильно, – продолжались рассуждения в строю. – Перед боем надо помыться и одеться в свежее бельё.

– Каким боем? Деревня.

– Внимание! Заходите по одному в эту дверь! Получаете мешок! Раздеваетесь! Что хотите отправить домой укладываете в мешок и надписываете адрес. Сдаёте на отправку, далее стрижка и мыться! Всем ясно?!

– Ясно, – недружно ответили прибывшие.

Сдав мешок с вещами и распрощавшись с шевелюрой на голове, Виктор подошёл к моечному отделению. Санитар обрызгал его какой-то вонючей жидкостью, вручил тазик и мочалку. Открыв дверь, Виктор шагнул вперёд.

– Это разве баня? – растягивая слова сказал он, увидев так называемую баню.

В дальнем от входа углу стояла большая печь с расположенными на ней ёмкостями для воды. Пол в бане был сделан из настланных на землю половинок сосновых брёвен. Вдоль стен и посередине помещения на врытых в землю столбах стояли скамьи, сбитые из крупного горбыля.

В процессе мойки Виктор старался отмыться от неприятно пахнущего вещества, которым его обработали. Получив бельё и обмундирование, подстриженные и помытые призывники оделись, и…

– Ты кто? – был задан вопрос Виктору.

– Жора, тебя можно узнать по голосу. А я что, так изменился?

– Витя, мы тут все, похоже, изменились. Интересно, что дальше будет.

Прибыв в казарму, Виктор внимательно стал рассматривать строение, в котором предстояло жить. Это была землянка, возвышающаяся над уровнем земли примерно на метр. На покатую крышу, сложенную из плотно подогнанных друг к другу и подбитых мхом брёвен, толстым слоем уложена глина, а сверху положен дёрн. По бокам строения под самой крышей сделаны небольшие окна. Основной и запасной входы сделаны с тамбурами. Внутри помещения, слева от входа стояли лыжные и оружейные пирамиды, а дальше стеллажи с разным имуществом. Справа располагалась канцелярия и какие-то небольшие помещения. Далее вдоль стен справа и слева тянулись одноэтажные нары.

– Вот это да-а-а, – раздался чей-то голос, – как в лучших домах.

Да, Виктор тоже с удивлением смотрел на заправленные нары: перовая подушка, матрас, набитый соломой, простыни, одеяло и полотенце.

– У меня внутри уже всё задрожало. Гляньте, всё выровнено до безупречности. Я так не смогу.

– Сможешь, – кто-то, смеясь, ответил, – старшина заставит.

Посередине казармы стоял большой стол. Полы, сделанные из толстого горбыля, сияли чистотой.

Объявили построение. Быстро и без суеты всех распределили по взводам и отделениям, каждому указали его место в строю и койку для отдыха, представили командиров и по-

литрука.

– Товарищи красноармейцы, – обратился политрук, – вы прибыли служить в тринадцатую отдельную роту химической разведки Рабоче-крестьянской Красной Армии, место дислокации Алкино-II. Младшие командиры дадут адрес, на который вам могут писать ваши родные.

Далее объявили распорядок дня, закрепили оружие, лыжи и другое имущество.

Укладываясь спать, Виктор тихо вслух проговорил: «Витя, запомни этот день – 9 января 1943 года».

– Вить, ты чего?

– Всё нормально, Андрей. Всё нормально. Просто хочу запомнить сегодняшний день.

– Ну, брат, если всё, что нас ждёт запоминать, памяти не хватит.

– Да нет. Вот как раз надо всё запомнить. Думаю это важно. Весьма важно. Всё. Спим.

– Рота, подъём! – прозвучала команда дежурного.

Виктор не сразу понял, что ночь прошла и уже утро.

– Как-то ночь быстро пролетела, – наматывая портянки, пробормотал он.

– Я тоже не понял, то ли спал, то ли только задремал, – Андрей натягивал ботинок.

– Выходи строиться на зарядку! – прозвучала очередная команда.

Из проходящих бойцов кто-то произнёс «Ох!», в ответ

на это раздались смешки.

После зарядки подразделение прибыло к казарме.

– Умыться, привести себя в порядок и приготовиться к завтраку! – как-то жёстко сказал старшина.

– А иде-е умыться-то? – вылетел из глубины строя вопрос.

– А издесь! – ответил старшина. – Чай не лето, и снежком можно умыться.

– Разойдись!

Все кинулись в рассыпную, отыскивая незатоптанный снег. Ребята, раздетые по пояс, умывались и обтирались снегом. Нашлись и неженки, которые не были готовы к таким процедурам, но товарищи им помогли.

– А-а-а! Что вы делаете, гады! – кричал щупленький солдат, но ребята дружно продолжали натирать его тело снегом.

– Крепче будешь!

Завтракали в казарме. Ели стоя, так как огромный стол посередине помещения был на высоких столбах и доходил кому до пояса, а кому и до груди.

– Вить, а ты чего не ешь?

– А я уже. Всё съел, – ответил Виктор и сам удивился, как не заметил, что весь свой паёк быстро проглотил.

Друг смотрел с удивлением.

– Андрей, а ты знаешь, я чего-то и не наелся.

– А с чего здесь наешься? Эх, вот дома…

– Не заводи, – и Виктор вспомнил коржики, которые ему в дорогу дала мать.

– Да, – раздалось с другой стороны стола, – интересно, а как на фронте кормить будут?

– Отъедайся здесь, – сказал Виктор, сдвинув брови. – На фронте не до жиру будет.

– Я то что? Мне и лебеда не беда, а еда.

– Не о еде надо думать, а…

– Закончить приём пищи! Выходи строиться! – поданная команда, не дала довести разговор до конца.

Виктор с первого дня службы настроил себя на то, что обучение, какое бы оно ни было сложное, будет несравнимо с тем, что их ждёт на фронте. Каждый раз, когда было трудно, он себе говорил: «Ничего, ничего. Это всё ерунда. На войне будет в сто раз труднее». Это позволяло ему держаться и не падать духом.

– Ох, загонял взводный, – с этими словами Григорий Мамин плашмя упал на снег. – Хорошо, что есть такое слово «перекур».

Субтильного телосложения красноармеец Мамин с первых дней обучения, с лёгкой руки Андрея Скибина, стал мишенью для насмешек во взводе.

– Мама, терпи, – Андрей достал кисет с табаком, – сказывают, с понедельника целый день будем только наблюдать лёжа на одном месте.

– Куда наблюдать?

– Туда. А я знаю? – пристраивая самокрутку в зубах, улыбнулся Андрей.

В это время в лесу раздалось «Ку-ку».

– О! Кукушка, кукушка, сколько мне лет жизни осталось? – спросил Фёдор Клинов.

Кукушка принялась куковать, а проситель подсчитывать.

– Что это так мало? – недовольно пробурчал Фёдор, как только замолкла кукушка. – Только одиннадцать.

– Эх ты, – Григорий поднял голову и куда-то вверх проговорил, – кукушка, кукушка, прокукуй мне мою судьбу!

Все замолчали, наступила тишина. В лесу раздалось одинокое «ку-ку».

– Это как понимать? – возмутился Мамин.

– А так понимать, – серьёзно начал Виктор, – что дурак ты раз доверил свою судьбу лесной птице.

Все дружно засмеялись, а Андрей похлопал Мамина по плечу.

– Мама, а ты представь себе эту бедную кукушку, – широко улыбаясь, начал Скибин, – что ей делать, когда сейчас вся наша рота сидит и ей в клюв заглядывает, все надеются, что она им накукует поболее. Так она скоро сломается.

Всеобщий смех стал ещё громче.

– Закончить перекур! Стройся!

Зимой ежедневно шесть часов занятий в поле на морозе давались тяжело, но судя по слухам, в ближайший понедельник будут какие-то изменения.

И понедельник наступил. Утром на построении взводный начал вводить в курс новой темы занятий.

– Каждый из вас получит карточку наблюдения. В ней вы найдёте точное указание расположения своего наблюдательного пункта, на который должны будете незаметно выдвинуться и замаскироваться.

– За вами буду наблюдать! – внимательно взглянув практически каждому в глаза, взводный продолжал. – Задача! Вести наблюдение в указанном секторе и данные заносить в журнал. Вопросы?

– Товарищ, лейтенант! Красноармеец Скибин! А что заносить в журнал?

– Всё, что увидите. Передвижения людей, машин, подвод, любые изменения в обстановке.

Вот тут уже у всех возник вопрос – радоваться или нет такой учёбе.

Виктор закончил изучение полученной карточки. Где должен располагаться его пункт наблюдения он понял, это место он не один раз исходил на полевых занятиях.

– Красноармеец Чертовских, задание ясно?

– Так точно!

– Вперёд!

– Есть!

Виктор побежал на лыжах к опушке леса. Он знал, что если продвинуться вдоль опушки метров четыреста, то в сторону его места назначения будет тянуться небольшой овраг. Таким образом, он сможет скрытно выдвинуться и занять свой пункт наблюдения.

Снега было много. Когда Виктор спустился в овраг, его лыжи стали проваливаться в снег.

– Чёрт, не рассчитал, – чертыхнулся Виктор и начал пробираться по глубокому снегу.

Пройдя половину пути, он стал задыхаться. Начал активно дышать ртом.

– Не хватало ещё простудиться, – сделал несколько глубоких вдохов через снятую рукавицу.

Прибыв на указанное место, Виктор понял, что времени на выдвижение потратил значительно больше, чем должен был и, соорудив из снега укрытие, приступил к выполнению поставленной задачи.

В сектор наблюдения входил участок дороги, связывающий две деревеньки. Особой активностью эта дорога не отличалась. За первый час наблюдения по ней проехали сани, запряженные чёрной как смоль кобылой, в которых сидели два мужика. Второй час наблюдения был безрезультатный. Виктор почувствовал, что начинает замерзать. Он понял всю неприятность положения, в котором находился. Зимой в мороз лежать на снегу без движения в течение полутора часов – хорошего мало. Повернувшись на спину, стал активно двигать руками и ногами. Со стороны было похоже, что лежащий человек отмахивается от кого-то невидимого. Продолжая двигаться, Виктор периодически бросал взгляд на дорогу, чтобы не пропустить какого-нибудь движения. Через некоторое время тепло начало наполнять тело, руки и ноги

стали более послушными.

Следующий час наблюдения был более насыщенным, Виктор аккуратно занёс данные в карточку.

При подведении итогов занятия стало ясно, как командир взвода проверял качество выполнения поставленной задачи.

– Красноармеец Мамин, – скомандовал взводный, – доложите результаты наблюдения.

Мамин стал по записям в карточке докладывать об увиденном.

– Так, а теперь, – командир посмотрел на Мамина и произнёс, – красноармеец Скибин!

То, что произносил Андрей, было похоже на результат доклада Григория, но зафиксированных событий он отметил больше. Оказывается, одни и те же участки наблюдали 2—3 человека, оставалось только сравнить результаты наблюдений и понять, кто схалтурил.

– Красноармеец Мамин!

– Я!

– Завтра повторить наблюдение!

Мамин виновато окинул взглядом товарищей, затем умоляюще посмотрел на командира взвода.

– Красноармеец Мамин! – повторил взводный.

– Есть, повторить наблюдение, – грустно прозвучал ответ.

В один из дней полевых занятий Виктор прибыл на пункт сбора и понял, что ног своих он не чувствует. Взводный внимательно оглядел солдата.

– Что с ногами, красноармеец?

– Похоже, отморозил, – неловко чувствуя себя, ответил Виктор.

– Товарищ лейтенант, разрешите доложить, – отчеканил подошедший командир отделения, за спиной которого стоял на полусогнутых ногах товарищ Виктора по взводу Фёдор Клинов.

Взводный как-то недобро посмотрел на сержанта и кивнул головой.

– Красноармеец Клинов по всей видимости тоже отморозил ноги.

Желваки задвигались на скулах лейтенанта.

– Обоих в расположение роты к санинструктору!

Прибыв вместе с Фёдором в расположение, Виктор начал разуваться.

– Вот чёрт! Ноги как чужие, совсем не ощущаю, – он попытался снять портянки, но те примёрзли к стельке.

– Сейчас ощутишь свои ноги, ещё рад не будешь этому, – тихо проговаривал санинструктор, приготавливая какой-то раствор. – Я в Гражданскую войну в Сибири не такие ноги в норму приводил.

– Отец, а что ты там смешиваешь? – спросил Фёдор.

– А тебе это зачем надо? Это уже моя забота, а твоя… ну да ладно. Давай сначала тебя откачаю, – обратился он к Виктору.

Плеснув на ладони приготовленный раствор, лекарь начал

активно растирать безжизненную стопу.

Сначала Виктор ничего не чувствовал, но через некоторое время вместе с ощущением собственной плоти пришла сильнейшая боль, которая шла изнутри ноги. Тысячи иголок пытались вырваться наружу, пронзая кости, мясо и кожу. Виктору хотелось кричать от боли, но он себя сдерживал, считая это слабостью. Зубы вонзились в губы, во рту появился солёный привкус.

– Вторую ногу тоже? – спросил Виктор, понимая глупость сказанного.

– И вторую. А как же?

Фёдор Клинов сидел ни жив ни мёртв и молча смотрел на происходящее. Где-то в его сознании созревало понимание того, что то же самое через какое-то мгновение будет происходить и с ним. Вид стонущего друга, в кровь искусавшего свои губы, оптимизма ему не добавлял.

На следующее утро Виктор обнаружил, что пальцы ног распухли и в ботинки не влезали. По этой причине он был оставлен в расположении роты и несколько дней в канцелярии чертил схемы и переписывал разные документы.

Фёдору, если можно так сказать, повезло больше, через день он отправился на занятия.

Через несколько дней после построения роту повели из расположения в сторону, куда никогда не водили.

– Странно, куда ведут? – тихо спросил Мамин.

– Мама, не боись, не на расстрел, – со смешком ответил

Скибин.

– Может на новое учебное место, – добавил Виктор.

На лесной поляне роту остановили, там уже находились другие подразделения учебного центра.

Подъехал крытый грузовик. Из кузова выпрыгнули два вооружённых солдата, вслед за ними спустился солдат в телогрейке без ремня. Его подвели к строю. Он стоял, опустив голову, и смотрел себе под ноги. Бледное лицо ничего не выражало. Было заметно, что у него дрожали руки.

– Вот те на, – протянул Скибин.

Комиссар зачитал приговор военного трибунала. Заключение приговора Виктор не мог принять своим сознанием, ему казалось, что это великая несправедливость, это жестоко.

Когда приговорённого повели в противоположную от строя сторону, все обратили внимание на тёмный земляной холм на белом снегу. Там была яма. Сняв телогрейку и шапку, человек встал на краю ямы спиной к ней. Прозвучала короткая команда, за которой последовал ружейный залп.

Весь день у всех было подавленное состояние, молчали, друг другу в глаза не смотрели.

Вечером в расположении политрук провёл беседу с личным составом роты.

– Я вижу на ваших лицах непонимание того, что произошло сегодня утром, – политрук внимательно посмотрел на всех, казалось, что он заглянул в душу каждого солдата. –

Жалко его? А давайте посмотрим на это по-простому, без строчек трибунала. Дезертир! Но это ещё не всё. Струсил, сбежал, смалодушничал! Может такое случиться, но он сбежал с оружием с поста. Мало того! Грабил и убивал местных жителей. А если бы на их месте были ваши родные и близкие?

Слушавшие политрука солдаты стали выходить из ступора, в который они впали после утренних событий, уже через несколько минут их лица выражали эмоции негодования, сомнения в необходимости принятых мер развеялись.

– И откуда такие сволочи берутся, – слышалось в разговорах перед отбоем.

– Будут ещё, – выделялся низкий голос Жоры.

– Да только не у нас, – как-то жёстко произнес Андрей Скибин.

* * *

– Ох, и метёт метель! – войдя с улицы, сказал кто-то.

– Так февраль на дворе.

– Февраль февралём, а как сейчас в поле? И чего я не в наряде?

– Если так, то от желающих пойти в наряд отбою не будет.

– Ну да, старшина в один миг всех сачков вычислит.

Дружный смех наполнил казарму, каждый подумал о том, как неуютно будет на полевых занятиях.

Но этим утром роту на занятия не отправили, весь день чистили оружие и приводили в порядок снаряжение.

– Андрей! – Виктор обратился к Скибину. – Что там по поводу слухов, что происходит?

– Витя, в том-то и дело, что глухо. Ни каких слухов, разговоров, распоряжений и приказов.

– Да, это как-то напрягает. Неизвестность какая-то.

– Какая неизвестность? – раздалось из угла казармы. – На фронт отправят на днях.

И сказано это было с такой твёрдостью и уверенностью, что данный вариант был принят за основу. Ночью никто не спал.

Утром следующего дня на построении объявили, что в соответствии с приказом Верховного Главного Командования отдельную роту химической разведки расформировывают.

– Ну, и кто у нас такой информированный? – Скибин обвёл, рядом стоящих, суровым взглядом.

– А что ты на меня так смотришь?

– Мама, ты ту ни при чём. Я всю ночь глаз не сомкнул, всё о фронте думал.

– Ну, так не на фронт же.

– А вот неизвестность ещё хуже.

Роты выдвинулась по известному маршруту, по которому пришла в эти места. Практически все с каким-то сожалением смотрели на покидаемое расположение.

– Интересно и что дальше? – без энтузиазма задал вопрос Андрей.

Ответом было молчание идущих рядом, никто не нашёлся что ответить.

Через два с лишним часа рота прибыла на железнодорожную станцию.

– Вы прибыли на пересыльный пункт, – объявил командир роты. – Далее вас распределят по назначению.

– Это как? – прошептал Мамин.

– Это так, Мама, назначат и распределят, и поминай как звали.

– Андрей, – пробасил Жора, – у Мамина и так подбородок от страха дрожит, а ты его ещё стращаешь. Смотри, потеряем бойца.

Прибывших погрузили по вагонам, и поезд двинулся в путь. Куда везут? Зачем везут? Эти вопросы каждый зада-

вал себе не один раз на протяжении всего пути.

– К вагонам! – прозвучала команда после того как поезд остановился.

– Неужели приехали?

– Опять наверное пешкодралом двигать не один час, – недовольно пробурчал Фёдор, – я уже пригрелся. Остаться что ли?

– Оставайся, может под трибунал попадёшь.

Разговор закончился дружным смехом.

– О, смотрите! Название станции! Че… бар… куль. Чебаркуль! Это где мы?

– Под Челябинском. Так что до фронта ещё далеко.

– Витя! – раздался громкий крик. – Витя!

– Степан! – Виктор бросился в объятия брата. – Ты как здесь?

– Вот, эшелоном прибыли.

– Мы тоже. Вот в этом вагоне.

– А я через два вагона. Ты как?

– Живой.

– Не понял, – раздался рядом низкий голос. – Стёпа, ты ещё вырос что ли?

– О, Жора, привет! Нет, исхудал.

После короткой встречи братья разошлись по своим подразделениям. Всех, прибывших эшелоном, построили в колонну и повели в сторону леса.

– А снегу-то!

– Зато не такой мороз, как на старом месте.

– Как в воду смотрел, – не унимался Фёдор.

– В смысле?

– В смысле идём пешком, а сколько ещё нам двигать…

Шли часа полтора до тех пор, пока с головы колонны стали передавать: «Пришли». Подошли к землянкам, которые были значительно больше прежних. Проверили всех по списку и подали команду: «Первая шеренга пять шагов вперёд, вторая три шага, шагом, марш!». Таким образом, колонна разделилась на три части.

– Первая шеренга, – громко объявлял офицер, – артиллерийская разведка и топовычислители! Вторая – связь! Третья – огневики!

– Все, направо! – неожиданно прозвучала команда. – По подразделениям, шагом, марш!

Всё произошло быстро. Виктор и Жора Тресков попали в связь, Степан и Андрей Скибин в огневики. В голове Виктора как молния пролетела фраза, сказанная ему пришедшим по ранению с фронта парнем с соседней улицы: «Витя, куда угодно иди, но не в связь!». Осознав произошедшее, он решается бежать в другую шеренгу. Быстро выскакивает из своего строя и бежит туда, где находился Степан. Два офицера догоняют его, хватают за руки и водворяют в строй на своё место.

– Будешь служить там, где нужно Родине, – сквозь зубы с какой-то жестокостью прошипел офицер.

– У меня брат там!

– Сейчас мы все братья. Понял!

Взгляд офицера испепелял, и Виктор больше в пререкания не вступал.

– Так точно. Понял, – прозвучал ответ обречённого.

Завели в землянку, огромное по размерам помещение, в котором в три ряда стояли двухярусные нары.

– Матерь божья, – пробасил Жора, – сколько же здесь народа будет жить?

– Сказали, что здесь будет учебный дивизион.

Солдаты, входя в землянку, осматривали помещение широко раскрытыми глазами, кое-кто присвистывал.

Как и раньше, прибывших разбили по взводам и представили командиров. Виктора поставили в четвёртый взвод телефонной связи и плюс ко всему назначили командиром отделения.

– Витя, – дёрнул за рукав Григорий Мамин, – что-то я не понял фамилию помкомвзвода.

– Старший сержант Тупица, – ответ прозвучал шёпотом.

– Кличка такая что ли?

– Фамилия моя такая! – громко подтвердил сержант.

Сказано было так, что у Мамина затряслись ноги, он тяжело сглотнул и утвердительно кивнул.

Разобравшись с местами для отдыха, всех отправили в лес.

– Всем нарезать по большой охапке нетолстых берёзовых

веток, – объявил сержант.

– Веники вязать что ли? А чё так много? – вылетело из строя.

– Веники, – старший сержант Тупица ехидно улыбнулся. – Из этих веток свяжете себе маты по своему росту шириной полметра. Это будет вашей постелью. Ещё вопросы есть?

Тишина подтвердила, что вопросов нет.

– Вперёд!

Работа закипела. Кто был из деревни, тот быстро нарезал ветки и начал плести мат. Городские, нарезав заготовки, стали посматривать на своих товарищей, которые быстро справлялись с работой по вязке. В итоге, каждый стоял в строю, держа в руке скрученный мат. У некоторых всё-таки оставалась надежда на то, что помкомвзвода пошутил.

– Как же на эти маты простыни застилать?

– Там матрас дадут.

Когда пришли в расположение, всё встало на свои места.

– Днём, – начал объяснять сержант, – мат в скрученном состоянии находится в изголовье. При отходе ко сну мат раскатывается, на него стелется обмундирование, в голову ставятся ботинки и накрываются шапкой. Постель готова! Ложитесь и накрываетесь шинелью.

Всеобщее молчание обозначило полное отсутствие вопросов, хотя, не только вопросов, но и слов никаких не было, понимали, идёт война, тут не до простыней.

Через два дня подготовки всего необходимого для жизни

и учёбы на построении объявили:

– Вы прибыли в четвёртый учебный артиллерийский полк Сталинградского учебного лагеря. Из вас подготовят младших командиров подразделений связи.

– Ну, это понятно, – утвердительно негромко пробасил Жора.

Началась учёба. В основном все занятия проходили в лесу или поле, даже занятия в классе проходили на свежем воздухе. «Классом» назывались вырытые в земле полукруглые углубления. Пришедшие на занятия, расчищали снег на своих местах, и садились на заранее срезанные ветки. После 30—40 минут занятий все по команде вскакивали и начинали трясти и толкать друг друга, чтобы согреться. Затем, продолжали занятия. В день на теоретические вопросы и их практическую отработку отводилось 12—14 часов.

После вечерней поверки Виктор, шатаясь от усталости, направился к своему спальному месту. Сознание было на грани отключения.

– Витя, ты как? – странным голосом спросил Жора.

– Жив, – Виктор удивлённо посмотрел на друга. – Что с голосом?

– Не знаю. Сил никаких нет. Еле ноги передвигаю.

– Держись. На фронте труднее будет, – Виктор тяжело сглотнул. – Думаю, осилим.

– Да. Выдюжим, только вот жрать охота.

– Не думай об этом, Жора.

– Да я и не думаю, но как вспомню домашнюю еду… И здесь…

– Ну, хлеба как-никак на день 600 граммов дают.

– Витя, этот кусок так называемого хлеба меньше трёх спичечных коробков.

Виктору не нашлось что ответить.

– Да и хлеб ли это? – продолжал Жора. – Какая-то плотная, вязкая масса неопределённого вкуса. Это хлеб?

– Ну, утром-то пюре из картошки, хоть и из сухой, но всё же картошка, – после этих слов Виктор огляделся, не слушает ли их кто.

– Витя, я сегодня ту чёрную картофелину, которую выловил в супе, отдал Маме. Когда он увидел, что она досталась мне, на меня смотрел так, что я поверил – он неделю ничего не ел. А кислая капуста…

При упоминании капусты, которую невозможно было жевать, настолько она была кисла, Виктор приложил руку к животу и почувствовал неприятное бурчание.

– Что, тоже есть хочешь? – улыбнулся Жора.

– Ну тебя к чёрту, – Виктор махнул на друга рукой. – Не заводи больше таких разговоров, а то и такую пищу не проглотишь.

Мимо проходил Григорий Мамин.

– Ребята, я завтра в наряд на кухню, – сказал так, что было не понятно рад или нет.

– Соболезную, – Виктор начал снимать ботинки.

– Чё так? – Жора посмотрел вслед уходящему Григорию.

– Хуже нет. Вспомни, из кухни приходят и из уборной не вылезают. Слышал я, как рассказывали, что из общего котла таскали, пытались наесться, а в результате только хуже было.

– Да, плохо, – Жора грустно подтвердил слова Виктора. – Может домой написать, чтобы чего-нибудь прислали?

– Думаю, там тоже не до жиру. Лишнего нет.

Виктор уже разделся и приготовился к отходу ко сну.

– Жора, хватит душу и желудок травить. Давай спать.

Заснул Виктор моментально, сказалась усталость. Во сне, поворачиваясь на другой бок, он сильно толкнул, рядом спящего солдата. Это был Владимир Семёнов. От толчка Семёнов приподнялся, заснуть он ещё не успел, и толкнул в бок обидчика. Виктор проснулся и ничего не понимая, смотрел на соседа.

– Ты что, твою мать, размахался. Заснуть не даёшь, – возмущённо проговорил Семёнов.

Виктор ничего не ответил, его глаза закрылись и он, упав головой на шапку, заснул.

Утром по команде «Подъём!» Семёнов не встал, продолжал спать.

– Семёнов! – громко скомандовал Виктор. – Подъём!

Ни какой реакции. Виктор толкнул спящего. От такого сигнала тот вскочил, и как-то странно стал смотреть на происходящее вокруг.

– Семёнов! Очнись!

Поняв, что надо делать проснувшийся красноармеец стал одеваться.

Во время утренней зарядки Семёнов не проронил ни слова, и не реагировал на оклики и обращения в его адрес.

О странном поведении подчинённого Виктору пришлось доложить по команде. На занятиях Семёнова не было, как сказали он у командира батареи.

– Вот Вова даёт, под больного косит, – со смехом рассказывал Тимофей Гвоздев. – Я его зову, а он смотрит на меня и улыбается, показывает, что ничего не слышит. Так ведь и не говорит.

– А может, действительно болен?

– Ну да, – вставил Жора, – врезать бы по затылку, сразу поправится.

Подошёл старший сержант Тупица с серьёзным видом.

– Чертовских, к командиру дивизиона!

Виктор обвёл присутствующих удивлённым взглядом и направился в сторону кабинета командира.

– Разрешите войти! – чётко произнёс Виктор и окинул взглядом всех, кто находился в кабинете. Кроме командира дивизиона и политрука был ещё один офицер. Капитан СМЕРШа.

– Товарищ Чертовских, – негромко сказал капитан. – Что вы можете сказать о красноармейце Семёнове?

Виктор не понимал, что от него ждут и поэтому он не на-

ходил слов для ответа.

– Ну, – произнёс капитан и его «ну», как змея заползло куда-то в душу Виктора.

Он посмотрел на командира дивизиона, тот незаметно кивнул.

– Ничего плохого сказать не могу, проходит обучение как все, – прозвучал ответ на одном дыхании.

– А со слухом и с речью у него были проблемы?

– Никак нет! Такого за ним замечено не было.

– Хорошо, идите.

Виктор посмотрел на командира, тот кивнул. Выйдя из кабинета, он почувствовал, что у него мокрая спина, а ноги стали ватными.

– Витя, что там? – поинтересовался Жора.

– Честно? Я не понял. Там из СМЕРШа капитан мне задавал вопросы про Семёнова.

– И как?

– Никак.

– В смысле?

– Жора, ты не поверишь, я не помню.

Семёнова не было два дня. Помкомвзвода сказал, что его отправили в лазарет на обследование.

Когда «больной» прибыл в подразделение, объявили, что в виду заболевания нервной системы на почве сильного ослабления организма, принято решение о комиссовании красноармейца Семёнова. Оказывается, что его родной брат

комиссован по тем же самым признакам.

– У них это семейное, – заключил Гвоздев.

– Что? – Жора поднял брови.

– Ну, это, болезнь.

– Понос?

Смех наполнил казарму.

– Трус и сачок он. Это я тебе говорю, точно, – Жора ударил кулаком себя в грудь.

– Врачам видней. Ему вон, ещё и провожатого дают.

Ночью в казарму вошли трое военных и забрали Семёнова. Это мало кто видел, но утром об этом уже знал весь дивизион. Оказалось, что вечером кто-то видел Семёнова, разговаривающим с земляком.

– Что я говорил? – забасил Жора. – Подлюка он и трус.

Через день на политзанятии сообщили, что Семёнова судил трибунал, и он направлен на фронт в штрафную роту и, что его родного брата ждёт такая же участь.

– Товарищи красноармейцы! – начал очередное политзанятие политрук. – Как вы знаете 6 января 1943 года был подписан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О введении погон для личного состава Красной армии», а 15 января вышел приказ Наркома обороны «О введении новых знаков различия и об изменениях в форме одежды Красной Армии».

После этого вступления все замерли, на лицах застыл немой вопрос. Этот указ, прозванный в солдатской среде

«Странный», широко обсуждался в курилках. Не могли понять, зачем такие нововведения. Среди них были те, кто воевал в гражданскую войну с «золотопогонниками» и тут, нате вам, надеть погоны.

– Так что, товарищи, будем изучать новые знаки различия, звания и порядок обращения между военнослужащими. Вопросы есть?

– Товарищ политрук, разрешите задать вопрос? Красноармеец Тресков.

– Задавайте!

– Это теперь, мы будем, как белогвардейцы, что ли?

– Почему белогвардейцы? Вы солдаты Красной Армии, наследники воинов Суворова и Кутузова, которые славно защищали родную землю от всякой нечисти, как вы сейчас защищаете нашу Родину от фашистов. Погоны это традиционные знаки отличия у военнослужащих русской армии. Вы должны гордиться тем, что будете носить их, они будут связывать вас с героическим прошлым ваших прадедов.

– Ну, если прадедов, то оно, конечно, можно – с улыбкой сказал Жора, и всеобщее напряжение спало.

– Ну, и вы должны понимать, что погоны вводятся в разгар борьбы за освобождение советской земли от немецко-фашистских захватчиков.

После политзанятия ещё много было разговоров и споров, но, в конечном счёте, все пришли к выводу, что не зря это делается.

– Надо, так надо. Я не против, – закончив перекур, Жора загасил окурок папиросы о каблук ботинка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.